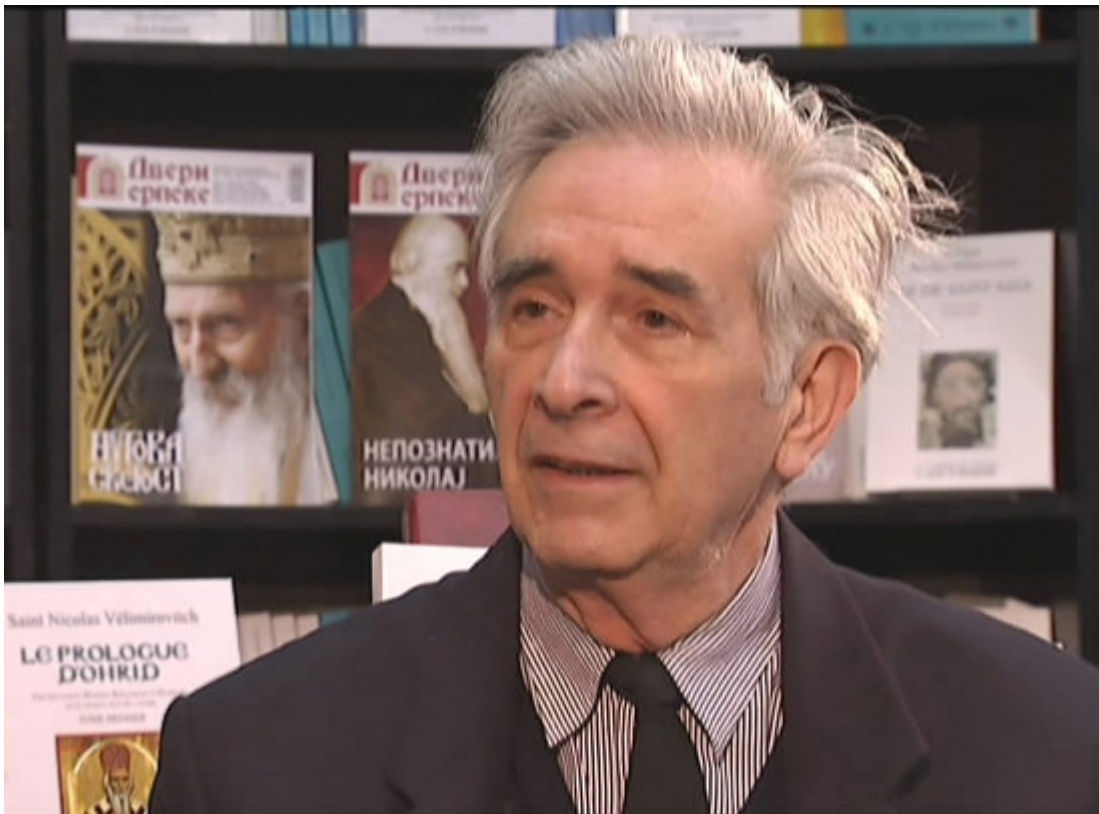

Книга как озарение: Владимир Димитриевич | Le livre comme une illumination : Vladimir Dimitrijevič

Auteur: Жорж Нива (перевод Н. Сикорской), [Женева](#) , 28.04.2017.

Владимир Димитриевич (DR)

Известный французский славист, почетный профессор Женевской университета Жорж Нива отреагировал на книгу «Владимир Димитриевич: Благословенно будь изгнание! Речь издателя с позицией. Беседы с Жераром Коньо», изданную совместными усилиями издательств Editions des Syrtes (Женева) и L'Age d'homme (Лозанна).

|

Georges Nivat, un slaviste français de renom, professeur honoraire de l'Université de

Genève, a réagi au livre « Vladimir Dimitrijevič, Béni soit l'exil! Propos d'un éditeur engagé. Entretiens avec Gérard Conio », publié conjointement par les Editions des Syrtes (Genève) et de L'âge d'homme (Lausanne).

Le livre comme une illumination : Vladimir Dimitrijevič

Владимир Димитриевич был одним из по-настоящему больших издателей Романдской Швейцарии. Приехав сюда из Сербии, бежав от режима, сначала обложившего его ювелира-отца грабительскими налогами, а затем посадившего его в тюрьму, молодой Владимир «проглатывал» книги, особенно советские. Он обожал советскую прозу 1920-х годов, которую позже мы издавали в серии «Славянская классика» (Юрий Олеша, Борис Пильняк, Исаак Бабель), а также английскую литературу – Томаса Вулфа (монументальный роман которого «Взгляни на дом свой, ангел» он позже издаст по-французски, под названием «Ange exilé») или Джона Купера Поуиса, галльского волшебника. Молодой югославский бунтовщик прибыл в Швейцарию босым, но с тяжелой котомкой прочитанного. Продавец в книжном магазине Payot, страстный любитель футбола, он решил заняться книгоиздательством в 1967 году, и первый его опыт связан с его знакомством с Жаком Катто и автором этих строк, благодаря посредничеству одного из парижских литературных мушкетеров, Доминика де Ру. Этим первым опытом, первой изданной им книгой стал «Петербург» Андрея Белого, вышедший в России в 1913 году, переведенный два года спустя на немецкий, но даже полвека спустя неизвестный на французском. Этот роман, который сравнивают с произведениями Джойса из-за двойного мистического "дна", был, как и все, что интересовало этого *Артюра Рембо чтения*, тотальным романом, одним из тех, которые он получал, как «долгожданное письмо», не зная, кто его пришлет... Нужно уметь ждать книгу как *озарение*....

Беседы, которые вел с ним Жерар Коньо, довольно поздно вошедший в круг того, кого называли «Димитри», одновременно удивляют и раздражают. Потому, что если в них и присутствует любитель парадоксов, прирожденный диссидент, то присутствует не полностью, утягиваемый в сторону формализма, в котором Жерар Коньо – эксперт, но который Димитриевич в действительности ненавидел. Итак, босой молодой серб прибыл на Запад, который идеализировала группка его приятелей-читателей, мечтателей и отрицателей коммунизма – позже они будут проводить свои собрания в кафе Коларак каждый раз, когда Владимир возвращался в Белград. Он быстро увидит, что Запад свободы не смог выделить противоядия материализму, который он носит в своем чреве, как плод прелюбодеяния. Как и Кундера, он думает, что Запад отверг Запад, и что лишь Восток, включая Россию, остался еще аутентичным, еще знающим то, что Дюмезиль называл «бесполезной войной», то есть войной, которую объявляют без всякой надежды на победу.

Отсюда – позиция парии, которую Димитриевич часто занимал во франкоязычном мире, позиция, доведенная до крайности в период гражданских войн в бывшей Югославии. С радостью принимая роль козла отпущения, испытывая отвращение к «единой мысли», так называемой мысли универсальной, он противопоставлял ей «единого», в смысле полноценного, человека: того, кто соединяет вещи вопреки всем законам, того, кто избегает притяжения общепринятого мнения, того, кто не видит заранее будущего («мы, сербы, ненавидим утопию», - говорил он). Это мог быть поляк Виткевич, которого он издавал на протяжении всей своей карьеры, или серб Чосич, автор последних в Европе эпических романов, завещавший Димитриевичу свои рукописи и небольшое состояние, прежде чем покончить жизнь самоубийством. Это

мог быть и социолог-сатирик Александр Зиновьев, чьи бесконечные разговоры, давшие «Зияющие высоты», напоминают беседы настоящего Димитриеви́ча в Café des Banques, неподалеку от его женевского книжного магазина. Димитриеви́ч в этих «Беседах» мельком упоминает Кориолана Шекспира: суровый и упрямый римский патриций с трудом подчиняется воле черни; ради того, чтобы остаться верным самому себе, он дважды предает Рим, а затем и вольсков. Вот – *alter ego* лозаннского беженца, благословлявшего изгнание не в смысле места (место он не любил), а в смысле экзистенциальной ситуации.

Vladimir Dimitrijević

BÉNI SOIT L'EXIL !

PROPOS D'UN ÉDITEUR ENGAGÉ

Entretiens avec Gérard Conio

ÉDITIONS
DES SYRTEs

L'ÂGE
D'HOMME

Возможно, этот большой издатель, страдавший издательской булимией, публиковал слишком много. Вышедшая книга сама по себе переставала его интересовать, в маркетинге он силен не был. Оставалось «полученное письмо», полученное этим гениальным читателем каждого понравившегося ему текста, который он и нас заставлял (и заставляет) любить. Что же касается разбора текста, умения, как говорили русские формалисты Эйхенбаум и Шкловский, а позже французские – опозорившиеся – структуралисты, «выяснить, как сделана «Шинель» Гоголя», то это его не интересовало. Он хотел лишь короткого замыкания между душами.

Как только цивилизация становится великой, говорил он, она замыкается, становится

универсалистской, претендует на обладание ключами ко всему и навязывает эти ключи остальному миру. Так поступала Франция Жида или Валери в благословенный период между двумя войнами, но и ее Дмитриевич принимал лишь наполовину, поскольку мир Жида, без греха и покаяния, лишенный тонкостей, не был миром Блуа или Клоделя. В Хальдасе, своем брате в поэзии, он любил писателя, который остается в своем яйце, зародышем себя самого. В Волкове, странным образом отсутствующем в «Беседах», еще одном своем близнеце, он любил мир как перекресток разных зародышевых состояний, мир русской эмиграции, изборожденный секретными агентами. Подозрительный мир Каира в «Александрийском квартете» Даррелла.

Дмитриевич и сегодня способен удивлять: вот он превозносит Куросаву, чей фильм «Преступление и наказание» - великолепный перевод-предательство самого русского из романов. С действием, перенесенным в Японию, он увлекает нас своей великолепной и аутентичной неверностью. Дело в том, что Япония, где правит религия войны, остро нуждается в противовесе, которым является русская литература со своими христианскими вопросами. Русская литература для него вообще была жизненно важным противовесом миру, поскольку она вынуждает нас быть по-настоящему самими собой, теми, которых мы сами не знаем. Уж точно не теми, которыми хотел бы выставить нас вульгарный психоанализ, а пророками, которые живут в каждом человеке.

И здесь «Беседы» выходят за рамки мемуаров издателя. Верующий человек, последователь византийского Христа, сын униженного отца берет здесь слово, иногда слишком подолгу. Отец-мастер, униженный коммунизмом, перед смертью адресует сыну такие пророческие слова: «Не умирай, пока не совершишь». Не совершишь что? Вопрос не в этом... Просто соверши, дойди до конца.

Рассуждения Дмитриевича о презираемой им горизонтали и о вертикали, которая нас спасет, - я не уверен, что это стоило публиковать. Загадка Христа, «свершившегося» в явной неудаче, ужас христианской утопии резюмируется в серьезном Христе, смотрящем на нас с византийских икон. В глубине души этот серб, нашедший убежище на Западе, который - по его мнению и мнению стольких других - отверг Запад, остался византийцем. А великий урок Византии - в *несвершенном свершении*, вплоть до полного провала, с красотой которого не сравнится ничто. Эти беседы - «разматывание» нескольких сильных, а порой безумных идей человека, которой нас поражал... Тысячи блокнотиков, заполненных за всю его жизнь и без сомнения не предназначенных для публикации, точно рассказали бы нам больше, чем эта магнитофонная запись. Но пока что надо довольствоваться ею, чтобы представить себе этого мятежника, которой в каждом значимом тексте видел и мятеж, и Богоявление.

[русская литература в Швейцарии; русская литература в переводах](#)

Статьи по теме

[Вехи Владимира Дмитриевича](#)

[Владимир Дмитриевич: «Я хотел быть свидетелем...»](#)

[Владимир Дмитриевич: ненасытный первооткрыватель](#)

[Не стало Владимира Дмитриевича](#)